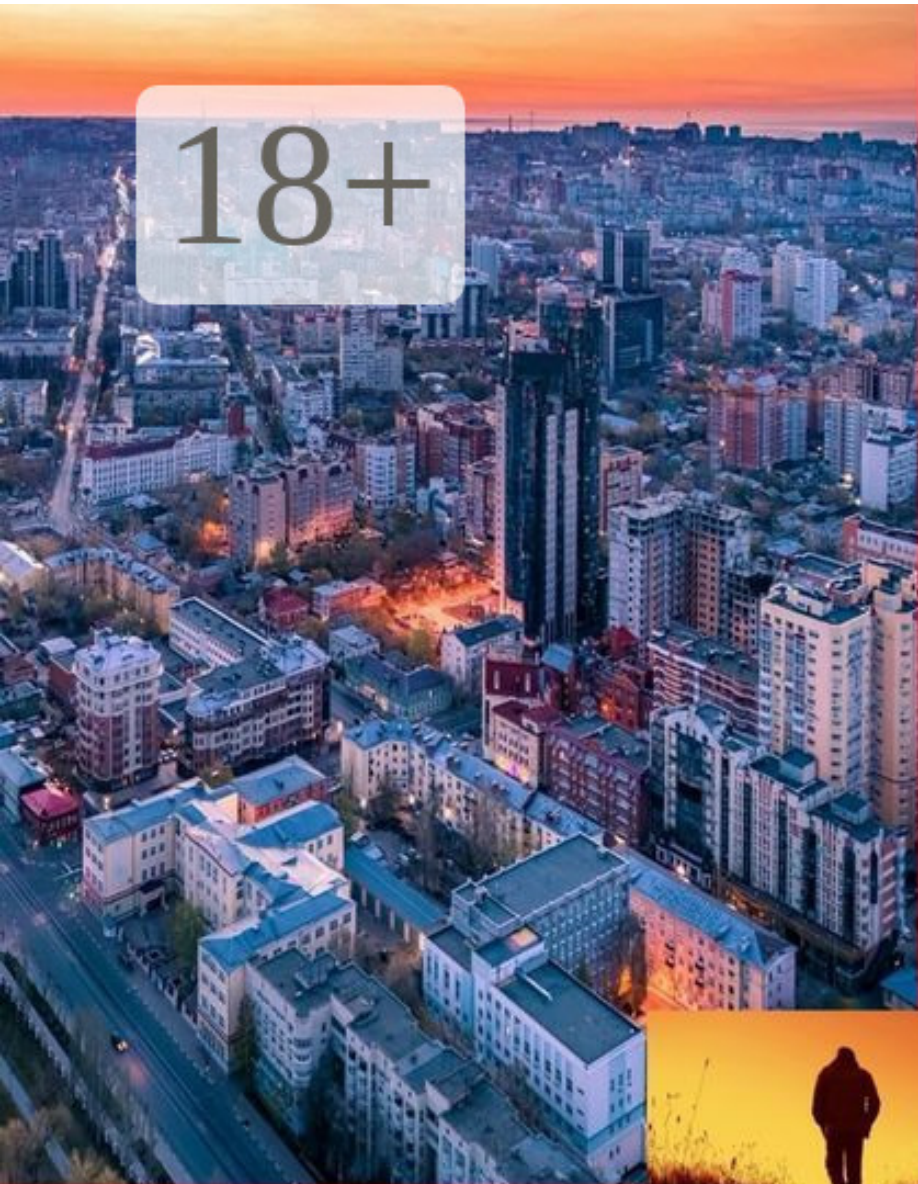

18+

ХРОНО-
ЛОГИЯ
ОБСТОЯ-
ТЕЛЬСТВ

ЮРИЙ
ИВАНОВ-
СКОБАРЬ

Юрий Иванов-Скобарь

Хронология обстоятельств. Стихи

«Издательские решения»

Иванов-Скобарь Ю.

Хронология обстоятельств. Стихи / Ю. Иванов-Скобарь —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839829-2

Лирический герой сборника путешествует во времени и в пространстве России последних десятилетий, рассматривая взаимоотношения современников между собой и с собой — в любви, в жизни и смерти...

ISBN 978-5-44-839829-2

© Иванов-Скобарь Ю.
© Издательские решения

Содержание

Рабочая окраина	7
В мае	7
Любовь	8
Комсомольская юность	9
Чужая песня	10
Прощание	11
Осенняя ночь	12
Собака инвалида	13
Лучше – тайна	14
Красавицы кругом...	15
Художница	16
Жизнь	17
Ложь	18
Побег на запад	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Хронология обстоятельств Стихи

Юрий Иванов-Скобарь

© Юрий Иванов-Скобарь, 2024

ISBN 978-5-4483-9829-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...Лишь шарманку старую знобит,

И она в закатном мленье мая
Всё никак не смеет злых обид,
Цепкий вал кружа и нажимая.
И никак, цепляясь, не поймёт
Этот вал, что ни к чему работа,
Что обида старости растёт
На шипах от муки поворота.
Но когда б и понял старый вал,
Что такая им с шарманкой участь,
Разве б петь, кружась, он перестал
Оттого, что петь нельзя, не мучась?
«Старая шарманка», И. Анненский

Рабочая окраина

В мае

А ночи – заметно короче.
Бреду переулком случайным.
Как воздух прозрачен и сочен,
а дом засыпающий – тайна.

Я мимо пройду, не узнаю,
что в доме, в такой-то квартире,
по вечному правилу мая
я – чей-то единственный в мире.
* * *

1980г.

Любовь

Она пришла домой, когда
утомился бес движенья,
и засыпали города,
стряхнув дневное напряжение.

Прикрыв тихонько за собой
почти не скрипнувшие двери,
разгорячённая ходьбой
не стала врать – ведь не поверит...

* * *

Комсомольская юность

Гудок теплохода
летит к Салехарду,
не держится сердце
за отчий очаг.
Начальник-геолог
раскрытую карту
с досадою вертит
и этак, и так.
«Ну, где же
искать там?» —
весь день он
в сомненьях.
Я ж песни свищу,
настроение – во!
Ему отыщу я
любые камни,
второй Самотлор,
или лучше того!..

* * *

Чужая песня

Эти губы теплы, как прежде,
но в глазах твоих – тишина;
словно свет, чуть с утра забрезжив,
днём укутался в плотный туман.

...Я примчался в трамвайчике старом,
что качался, на стыках бренча;
в небе теплился лунный огарок,
и водитель: «В депо!» – кричал.

Вот предместное захолустье.
Деревянный домишко – мой храм! —
одинокого путника пустит,
хлопнув ставнями, до утра.

Где-то Гамлет с призраком в темень
о коварстве завёл разговор.
Я уткнулся в твои колени,
отметая сор наших ссор.

Но рука твоя, сострадав,
лишь скользнула в моих волосах.
Ты теперь, слышу, песня чужая,
здесь другие звучат голоса.

* * *

Прощание

Как пружинят рельсы —
гибкое литьё.
Скоростные рейсы,
«Сто седьмой» идёт.
Провожала молча,
холод тёплых губ.
Настроенье волчье,
ветер зол и груб.
За окном вагона —
море немоты,
вот конец перрона,
чахлые кусты.
Не махнула даже,
строгая ушла,
скоро ночь замает
синеву стекла.
...Дым от сигареты,
лампы тусклый свет.
Не тобой согрет я,
сердцу хода нет.
Может, в том удача,
может, в том укор —
не переиначить
жизнь и разговор.

* * *

Осенняя ночь

Сонной осени лёгкий укор,
полной жизни природы примета —
лишь сосновый, негаснущий бор
продолжает цветение лета.

Я добрёл до развилки дорог,
позади только ямы, да кочки;
и почувствовал, как я продрог,
как живу беспокойно, неточно.

Ветер странствий становится злым,
я стоптал сапоги-сороходы;
и костра придорожного дым
ест глаза словно в юные годы.

Что ж ты, жизнь моя, мчишься вот так?!
В стоге сена сыщу ли иголку?
Но кому же на небе сквозь мрак
ночью звёзды сверкают так колко?!

* * *

Собака инвалида

Он стал добрей к своей собаке,
уже не зло по вечерам
припоминал собачьи драки,
трепал по морде там, где шрам.

Не попрекал кусками хлеба,
что на прокорм бросал он псу.
«А ты полай, своё потребуй,
глядишь, и мяса принесу».

Случалось, долго дверь ключом
не мог открыть он в доме сонном.
И пёс не лаял горячо,
когда старик входил наклонно
и стену бороздил плечом.

Десяток лет вдвоём в квартире.
Так что же горечь здесь скрывать?
Хрипел: повешусь, мол, в сортире, —
валясь в одежде на кровать.

Стекали слёзы по морщинам,
старик единственной рукой
пса обнимал и плакал: «Псина,
ну что ты, брат, ведь я с тобой...»

* * *

Лучше – тайна

Обогнал на переходе
и взглянул в лицо – случайно.
Словно свет нелёгкой тайны
выделял её из сотен.

Взгляд в ответ,
как взрыв незримый:
прочь стороннее участие!..
Или это отблеск счастья,
что всегда проходит мимо?

Но потом в толпе случайной
не ищи повторной встречи,
ты иной судьбою мечен:
понимать, что лучше – тайна...
* * *

Красавицы кругом...

Красавицы кругом. Да бога ради!
Они как ведьмы утром, но потом
лицо придумают, аж зеркало в помаде!
На эту сказку потрясённо глядя,
Ван Гога дух замрёт с раскрытым ртом.
Мы с нею ночь, а утро – лишь остаток
профессии, судьбы или мечты.
Но – ах ты, чёрт! – как чай горяч и сладок,
и день начавшийся не так-то уж и гадок.
Мы с чаровницею почти что у черты
взаимопонимания любого,
а потому дудим дуэтом в лад:
«Увы и ах, в начале всё же слово...»
«Певица П., конечно же, корова...»
«Придурок И. стишата тиснул снова...»
Почти семейный утренний обряд...

* * *

Художница

Кисть и палитра – продолжение её рук,
как рычаги управления танком – моих.
Её конёк – одухотворённость,
её сущность – авангардизм,
её слабое место – богемность.
Человек – это стиль, следовательно,
и стиль – это человек.
Какой может быть женщина,
любящая истеричное сочетание
ярких пятен и резких ломаных линий?
Я – очередной привал в безнадежном,
но не для неё, пути поиска Идеала.
Куда меня, танкиста, занесло?
Печально мне всё это,
и, ломая себя через колено,
пастеризуя кровь, пытаюсь
превратиться из точки остановки
хотя бы в запятую.
Запятую вытянуть в бесконечное тире,
по которому, как в китайском Дао,
она могла бы скользить дальше.
Она не осознаёт безнадежность
борьбы с собой и пытается
снова согнуть тире в запятую,
запятую утрамбовать,
спрессовать до точки...
Но! Тире начинает ломаться,
дробиться, и из хаоса – невольно! —
три точки, три тире, три точки...
* * *

Жизнь

Банальная история:
он её бросил.
Ни с чего заспорили
о культе в наркомпросе.

А ребёнок – маленький,
и зарплата – тоже.
Всё богатство – валенки,
да портфель из кожи.

Только много надо ли
в жизни вам, учитель?
«Дети, на дом задали...»
«Эту сумму вычтите...»

Годы мерно капают,
как вода из крана.
Время мягкой лапюю
загладило рану.

Дочка быстро выросла,
вся судьбою в маму:
детям в школе яростно
«Мама мыла раму!...»

Мчат десятилетия:
два и три, четыре.
Пенсию отметила
в крохотной квартире.

В пору предосеннюю
тихо отходила,
прямо на Успение
в объятия могилы.

Под конец подумала:
«Всё чего же ради?»
Раз – путёвка в Юрмалу,
два – гора тетрадей...

* * *

Ложь

Как бог после акта творенья
сползаю с жены и по краю
двухместно-кроватьного рая
рассыпанное оперенье
ангела собираю —
одежды, чувства и ночи,
мысли, дни и надежды...
Закон расставанья не точен,
параграф «Прощанье» отсрочен,
но всё... всё не так, как прежде.

Я утром жене налажу
крылья и всё такое,
лететь ей в одну из башен
офисных новостроек.
Она у других в ответе
за освещение улиц,
ловят электросети
деньги кварталов-ульев.

А я в ожидании ада
сниму и улыбку, и сердце.
Дьявол не носит «прада»,
ему ни к чему маскарады,
и, если огонь – расплата,
то мне и в костре не согреться...
* * *

Побег на запад

Ватага весёлых бандитов
утюжит ларьки на базаре.
В широтной глуши океана
японский бредёт китобой.
А Пётр, по фамилии Динер,
в Баварии пивоварит,
с Россией давно расплевался,
он стал стопроцентный тевтон:
«Вас ист? Я. Зер гуд!
Я. Драй пфенниг.»
Детишки, Денис и Танюшка,
по-дойчландски шпрехают лихо,
своё русопятство забыв.

«Шестёрка» Гремущников Витя,
придя после «дойки» с базара,
побрил лучезарно макушку
и жёлтый накинул халат...
Когда бы его увидели
китайцы лет этак за двести,
ему бы отрезали яйца
за наглое святотатство,
и долго пилили бы шею
тупой деревянной пилой...
«О, варваров дикое время!» —
сказал бы мудрец Вынь Сухим.

Сэнтё китобоя «Сё-мару»
Разглядывал фото любимой,
та голою грудью манила,
звала китобоя в Сянган.
И много их, фото любимых,
по стенам каюты висело,
и надписи тихо гласили:
«Пусан», «Кагосима», «Шанхай»...
Мда, секс-аппетит азиатский,
японский, сказать, аппетит.
«Божественный ветер с Востока!» —
Сказал бы Тояма-мудрец.

Гляжу на восход. Несомненно,
китайцы совсем обнаглели:
как зайцы, они косяками
сигают через границу,
хотят косоглазо заполнить

родимый Дальний Восток.
Герр Питер, член новонемецкий,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.